

КОРЕЙЦЫ-ИММИГРАНТЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИИ 1860—1890 гг.



**Чжан Чжон
РЁН**, профессор,
проректор Каннинско-
го университета,
Республика Корея.



**Александр
Иванович
ПЕТРОВ**,
кандидат
исторических наук

Корейская иммиграция в Россию началась в первой половине 1860-х годов. Создание в Приморской области первого корейского села под названием Тизинхэ обычно датируется 1863 или 1864 гг. Это подтверждается также и архивными источниками, согласно которым первые переселенцы из Кореи, «четырнадцать семейств в числе шестидесяти пяти душ обоего пола перешли» на русскую территорию в январе 1864 г.¹ Этот факт приводится в докладной записке «исправлявшего» должность инспектора линейных батальонов Восточной Сибири, расположенных в Приморской области, полковника Ольденбурга, написанной на имя военного губернатора названной области контр-адмирала П.В. Казакевича. Документ датирован 25 сентября 1864 г. и является самым ранним из обнаруженных, в которых указывалась относительно точная дата начала корейской иммиграции в Россию. Уже в следующем году в районе Посъета в пяти небольших деревнях проживали семьями около 130 корейцев, а к концу 1867 г. эта цифра возросла до 1415 чел.²

Иммиграция была вызвана тяжелой жизнью корейцев в своей стране. В России корейцы кроме улучшения материального положения (за счет напряженного труда) надеялись получить льготы, которые в соответствии с законом 27 апреля 1861 г. предоставлялись русским и иностранным колонистам Амурской и Приморской областей. Корейские крестьяне, переправляясь через Туманган на русскую территорию, верили в справедливость и «могущество белого царя», видели в нем «спасителя корейцев от всех бед» и «избавителя от дикого страшного произвола деспотичных и алчных правителей»³. В последнее время появляются интересные работы, в которых предлагается системный подход для анализа причин корейской иммиграции с применением социологических теорий⁴.

Корейская иммиграция началась в условиях существовавшего в Стране утренней свежести жесткого запрета выезда подданных за пределы государства и вообще всяких контактов с иностранцами. Тэвонгун, являвшийся отцом и регентом малолетнего корейского короля Коджона, стремился оградить свой народ от всякого внешнего влияния и упорно не желал проводить кардинальные изменения во внутренней и внешней политике сеульского правительства. В середине 1860-х годов корейским пограничным властям на границе с Россией было дано предписание самым жестоким образом расправляться с перебежчиками, разрешалось даже убивать нарушителей, если не было возможности их задержать; пойманных иногда казнили прямо на берегу р. Туманган⁵.

Особенно крупное переселение наблюдалось зимой 1869—1870 гг., когда вследствие неурожая и последовавшего затем в северных районах Кореи голода в Посъетский участок переселились, по разным данным, от 5 до 6,5 тыс.

корейских крестьян и членов их семей. Большинство из них (по официальным данным, 5134 чел. из 6543, или более 80 % переселившихся) не имели никаких средств к существованию, у других же эти средства были крайне ограничены⁶. Русская администрация была не готова к приему, размещению и обеспечению продовольствием столь большого числа иностранных переселенцев, поэтому в Корею послали специального представителя — князя Трубецкого, который договорился с пограничными властями соседнего государства о том, что они примут назад этих корейцев, не наказывая их.

Однако иммигранты категорически отказались вернуться на родину. Приморское областное правление во главе с губернатором контр-адмиралом И.В. Фургельмом предприняло ряд мер для обеспечения корейских переселенцев жильем и продовольствием. Часть мужчин была занята на казенных работах; женщины вместе с мужчинами работали на сортировке зерна. Однако принятые меры были недостаточны, и многие корейские переселенцы 1869—1870 гг. умирали от голода, холода, болезней.

К этому времени относится создание в Приморской области из числа переселенцев 1869—1870 гг. нескольких новых корейских поселений. Это прежде всего Корсаковка, Кроуновка, Пуциловка и Синельниково, которые располагались северо-западнее русского села Никольского (г. Никольск-Уссурийский) и впоследствии стали наиболее крупными и успешными в хозяйственном и культурном отношении селами. Северо-западнее Никольского появились Казакевичево и Верхне-Романово. Кроме того, из числа этих же иммигрантов были отобраны по желанию и переселены в Амурскую область полностью за счет казны 102 семьи, в которых насчитывался 431 чел. Этими людьми 1 августа 1871 г. на правом притоке Амура (р. Самаре) было основано единственное в Амурской области корейское село под названием Благословенное⁷.

В связи с тем, что в начальный период русско-корейских отношений между двумя соседними государствами не было дипломатических отношений, все члены корейских семей, поселившихся в Приморской и Амурской областях на постоянное жительство, рассматривались правительством России и местной администрацией как де-факто русские подданные по факту их водворения в империю и на том основании, что это, во-первых, соответствовало желанию иммигрантов, а, во-вторых, по тогдашним российским законам для принятия русского подданства иностранцу не требовалось получения предварительного разрешения от своего прежнего правительства.

Переселение корейцев в Россию довольно интенсивно продолжалось и в последующие годы. Так, если за 10 лет с 1871 по 1880 г. в Посьетском участке поселились всего 336 новых семей из Кореи, что в среднем составляло 33,6 семьи в год, то за 4 года с (1881 по 1884) число вновь прибывших семей достигло 272, т.е. в среднем 68 семей в год. За счет этого, с одной стороны, укрупнялись старые корейские села, а с другой, — создавались новые. Ко времени установления в 1884 г. дипломатических отношений между Россией и Кореей в Приморской и Амурской областях было более 20 официально зарегистрированных сел, жителями которых в абсолютном большинстве являлись этнические корейцы.

После установления дипломатических отношений между Россией и Кореей в правовом положении корейцев Приамурского генерал-губернаторства (было выделено из состава генерал-губернаторства Восточной Сибири в том же 1884 г.) произошли значительные изменения. При заключении в 1888 г. договора о сухопутной торговле с правительством Кореи⁸ была достигнута договоренность, в соответствии с которой все корейцы, поселившиеся на русской территории на постоянное жительство до 25 июня 1884 г. (даты официального признания двумя государствами друг друга) признавались обоими правительствами подданными Российской империи. Эти корейцы были причислены к первой категории. Поселившимся же после 25 июня 1884 г. корейским семьям было предложено в течение двух лет продать или каким-либо другим

способом ликвидировать имевшуюся у них недвижимость и возвратиться на родину. Эти корейцы признавались подданными Корейского королевства и причислялись ко второй категории. Все остальные представители корейской национальности, прибывавшие в пределы Приамурского края на сезонные работы или с другими краткосрочными целями, вошли в третью категорию⁹. В отношении корейцев первых двух категорий действовали специально изданные правила, которые в 1891 г. были утверждены Приамурским генерал-губернатором бароном А.Н. Корфом. Для первой категории они состояли из семи пунктов, для второй — из четырех. Текст этих правил приведен в упоминавшейся работе Б.Д. Пака¹⁰. В отношении же корейцев третьей категории стали в полной мере применяться законы и положения, регулировавшие пребывание на Дальнем Востоке России иностранцев.

В конце 1890-х годов политика российского правительства и местной администрации в отношении корейцев несколько изменилась и почти все корейские крестьянские семьи, оседло проживавшие в Приамурском генерал-губернаторстве не менее 5 лет, были приняты в русское подданство. Первыми такими корейцами стали 1109 жителей с. Благословенного Екатерино-Никольского станичного округа Амурской области. Это произошло 14 ноября 1894 г. Крестьяне корейских деревень Приморской области были натурализованы в течение 1895—1897 гг. Всем корейцам, принимаемым в подданство России, отводились в постоянное пользование земельные наделы из расчета 15 дес. на 1 семью (двор). При этом по возможности нарезалась та земля, которую корейцы уже обрабатывали.

Корейская иммиграция в рассматриваемый период носила трудовой, прежде всего земледельческий характер. Основным контингентом иммигрантов были представители беднейшего корейского крестьянства. Эти люди несли с собой в Россию свою традиционную культуру, история которой насчитывает около 5 тыс. лет. Представители старшего поколения переселенцев плотью и кровью были неразрывно связаны со своими национальными обычаями, традициями и верованиями. Живя в другой стране, они, естественно, не могли в одночасье отказаться от того, чему их учили в детстве во что они верили и чему поклонялись всю жизнь. Компактное проживание в России и тесные с 1870-х годов контакты со своими соотечественниками в Корею — все это не вызывало особой необходимости в изучении русского языка.

Для принятия русского подданства от корейских иммигрантов формально требовалось принятие православия. Сейчас трудно судить, было ли это требование полностью соблюдено всеми корейцами, причисленными к первой и отчасти ко второй категориям, тем более, что женщинам и детям по существовавшим тогда в России законам присягу принимать вообще не полагалось. В то же время принимаемым в русское подданство корейским мужчинам не разрешалось носить традиционную национальную прическу (по-корейски «сантху»), т.е. шишку из волос. Делалось это формально для того, чтобы отличать рускоподданных корейцев от подданных Кореи. Последнее правило было, по видимому, соблюдено в полной мере. Для приобщения новых поколений корейцев к русскому языку и культуре основная ставка российским правительством и местной администрацией делалась, помимо церкви, на школу.

Что же касается домашнего быта, а также способов земледелия, то здесь российские корейцы в максимальной мере сохраняли свою традиционную культуру. Например, все их жилища за исключением небольшого количества домов, построенных амурскими казаками для жителей с. Благословенного в год его основания, были фанзового типа, характерного для северных районов Кореи. Непременным атрибутом фанзы являлся «ондоль», т.е. пол, отапливаемый дымоходами, проложенными под ним. Расположение корейских деревень также значительно отличалось от русских. В них не было улиц. Фанзы ставились посередине разрабатываемых угодий и находились порой в нескольких сотнях метров одна от другой.



Фото 1. На фотографии корейская семья. Мужчина в корейской традиционной шляпе *кат*, стоящий слева во рту держит трубку *тамбэттэ*. У другого мужчины прическа *сантху*. Женщины в национальных костюмах *ханбок*. Одна женщина держит на голове груз, а за спиной ребенка.

Корейцы придерживались традиционной культуры питания. Они много заготавливали, например «кимчи», особым способом квашенной капусты, обильно приправленной перцем. До тех пор, пока они не стали производить рис сами, покупали его в Корее. Корейские крестьяне также в большом количестве выращивали различные виды просовых (чумиза, буда) и бобовых культур. Основным мясным продуктом была свинина. Как отмечал Н.А. Насекин, без нее не обходился ни один праздник, ни один обряд¹¹. В то же время российские корейцы стали приобщаться к русской пище: ели хлеб, масло и другие продукты. Это был взаимообразный процесс: русские жители дальневосточного региона употребляли в пищу «кимчи» и другие растительные продукты, приготовленные традиционным корейским способом.

Взаимопроникновение русской и корейской культур происходило во всех сферах жизнедеятельности крестьян всех национальностей, проживавших на российском Дальнем Востоке, оказывая самое благотворное влияние на взаимоотношения России и Кореи. Этот аспект истории русско-корейских отношений, к сожалению, остается наименее изученным¹².

Довольно последовательными корейцы были в одежде. Традиционный костюм «ханбок» надевали представители старшего поколения по семейным и традиционным национальным праздникам. Но и в будни дни корейские крестьяне носили «ханбок». Н.Г. Гарин-Михайловский в сентябре 1898 г. будучи в Посьетском участке отмечал: «Иногда мы останавливаемся и разговариваем с корейцами: их много в поле — они молотят овес. В своих белых костюмах они, действительно, напоминают белых лебедей»¹³. Многие мужчины пожилого возраста носили и традиционные корейские шляпы «кат». Вместе с тем все больше корейцев и все чаще использовали европейский костюм. Немало примеров, когда одни и те же корейцы европейский и традиционный корейский костюмы надевали по разным случаям жизни.



Фото 2. Девочки одеты в корейские юбки *чима*. Одна из них держит ребенка за спиной по-корейски. Судя по одежде, а также по тому, что обуви на ногах у детей нет, они очень бедны.

Сохранились свидетельства того, что корейцы, проживавшие на Дальнем Востоке России, сохраняли музыкальные и танцевальные традиции национальной культуры. А. Рагоза, в частности, писал, что посъетские корейцы «очень любят (музыку. — Прим. авт.) и с восхищением ее слушают, они учатся и читают даже на распев»¹⁴. Так, например, в Янчихинской волости уже в рассматриваемый период существовал целый корейский оркестр, состоявший только из национальных музыкальных инструментов. Эти инструменты («тянгуи», «напхари», «набаль» и т.д.) впервые были подробно описаны Н.А. Насекиным в его известном труде, вышедшем в 1894—1895 гг. В оркестре было около 19 музыкантов¹⁵.

В жизнедеятельности российских корейцев в значительной степени проявлялась также материальная культура, которая, безусловно, неотделима от духовной культуры и национального самосознания. Это можно видеть на примере корейского земледелия. Вспахивали землю, запрягая быков и коров корейским плугом, а посевы производились грядковым способом, в наибольшей мере отвечавшим природно-климатическим условиям Приморской и Амурской областей. Для транспортировки грузов употреблялись традиционные повозки, в них запрягали низкорослых лошадей монгольской породы, которых издавна держали в своем хозяйстве корейские крестьяне.

Главная причина корейской иммиграции заключалась в стремлении улучшить свое тяжелое материальное положение. Корейцы русского Дальнего Востока сохраняли национальные обычаи и традиционный уклад жизни. Их дома были построены в традиционном стиле, а пища оставалась во многом такой же, как и во время прежней жизни в Корее. Приверженность российских корейцев к своей традиционной культуре проявлялась в том, что они приносили с собой в Россию народные музыкальные инструменты, танцевали привычные для них танцы и пели народные песни. Таким образом, развитие корейского фольклора было перенесено на «российскую почву».

Постоянные контакты российских корейцев с носителями русской культуры неизменно приводили к тому, что влияние последней все больше проявлялось в их повседневной жизни. Этот процесс был очень сложным, взаимообразным. В то же время он остается недостаточно изученным.

Проведенное исследование со всей очевидностью обнаружило крайний недостаток публикаций по данным проблемам как на русском, так и на корейском языках, что вызвано, по нашему мнению, трудностью обнаружения фактических и документальных материалов о традиционном укладе жизни корейцев, проживавших в России в исследуемый и последующий периоды. Назрела необходимость усилить дальнейшие исследования проблем истории корейской иммиграции в тесной связи с изучением их национальной культуры, а также тех изменений, которые происходили в традиционном укладе жизни корейцев русского Дальнего Востока.

¹ См.: Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60—90-е годы XIX века. Владивосток, 2000. С. 63.

² Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 26. СПб., 1887. С. 145.

³ Цит. по: Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи: (Дальневост. период). М., Международный центр корееведения МГУ, 1993. С. 25.

⁴ Ли Че Мун. Ханиный Росиа кыкдон чжиёк ичжу: ёксава ирон (Иммиграция корейцев на русский Дальний Восток: история и теория) // Сы лаба хакбо (журнал славяноведения). Сеул, 2000. № 1. С. 349—384. Кор. яз.

⁵ Ching Young Choe. The rule of the Taewon'gun. 1864—1873. Restoration in Yi Korea. Cambridge: Harvard University Press, 1972. P. 64—85.

⁶ Рагоза А. Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник. СПб., 1903. С. 214.

⁷ Кириллов А.В. Корейцы села Благословенного // Труды Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 1. Хабаровск, 1895. С. 1.

⁸ По-корейски договор называется «Хан-Ро юнно тхонсан чжанчжон», что переводится на русский как «Правила сухопутной торговли между Кореей и Россией». См., напр. Ли Гван Кю. Росия Ёнхэчжурый хан ин сахве (Корейская община Дальнего Востока России). Сеул; Джипмундан, 1998. С. 47.

⁹ Петров А.И. Корейская диаспора... С. 106—107.

¹⁰ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. С. 76—77.

¹¹ Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края: Крат. ист. очерк переселения в Южно-Уссурийский край // Труды Приамурского отдела Императорского Русского географического общества 1895. Хабаровск, 1896. С. 17. См. Петров А.И. Корейская диаспора... С. 136.

¹² Чжан Чжон Рён. Канвон чжиёк сахвемунхварон (Особенности региональной культуры провинции Канвон). Сеул: Сэмунса, 1997. С. 172—188; Чжан Чжон Рён. Минсокый кохян. Канвондо сэсан (Мир Канвондо. Родина народных обычаев), Каннин: Тонг нёк, 1999. С. 234—236.

¹³ Гарин Н. По Корею, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры. СПб., 1904. С. 217.

¹⁴ Рагоза А. Посыетский участок // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 45. СПб., 1891. С. 58.

¹⁵ Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края... С. 25—26.

SUMMARY. The authors of the article, Professor of Kannyn State University Chang Chong Ryeon and Candidate of Historical Sciences Alexander Petrov in their article «Immigration and Life of the Koreans in the Far East» retraced the history of Koreans' migration since the first half of the 1860s. Immigration was caused by hard life of the Koreans in their native country. The process turned out to be a prolonged one and till now is insufficiently explored. Scholars of both countries are faced with continuing study of this problem in close connection with study of the national Korean culture and those changes which took part in Korean traditional mode of life.